

ЛИЧНЫЕ ФОНДЫ ЦГАСО КАК ИСТОЧНИК ДЛЯ ИЗУЧЕНИЯ СЕМЕЙНОЙ ПАМЯТИ

© 2023

Сумбурова Е.И.

Самарский государственный экономический университет (г. Самара, Российская Федерация)

Аннотация. В статье рассматривается источниковый потенциал личных фондов Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО) при изучении такой научной проблемы, как семейная память. Автор на основе архивных материалов и автодокументальных текстов анализирует условия, при которых формируется интерес к семейной истории, и определяет мотивы для сохранения истории предков. Источниками для исследования послужили фонды двух семей – дворян Буторовых и священника Преображенского, живших в Самарской губернии на рубеже XIX–XX вв., сумевших в эпоху социально-политических катаклизмов не только сохранить свою семейную историю, но и приумножить ее и передать последующим поколениям. Методики научного направления «memory studies» позволяют проанализировать травматический опыт авторов эго-документов, способствовавший обращению Преображенских и Буторовых к изучению прошлого своей семьи, написанию воспоминаний и сохранению семейной памяти. Автор приходит к выводу, что интерес к истории рода не зависит от социального происхождения, а формируется традициями семьи – отношением к чтению, образованию и творческим занятиям. К тому же посредством генеалогических изысканий Преображенские и Буторовы стремились сохранить преемственность поколений в своих семьях и найти духовную опору в переломный момент жизни.

Ключевые слова: семейная память; memory studies; источник личного происхождения; воспоминания; поздняя Российская империя; Преображенские; Буторовы; ЦГАСО.

PERSONAL FUNDS OF CENTRAL STATE ARCHIVE OF THE SAMARA REGION AS A SOURCE FOR THE STUDY OF FAMILY MEMORY

© 2023

Sumburova E.I.

Samara State University of Economics (Samara, Russian Federation)

Abstract. The article examines the source potential of personal funds of Central State Archive of the Samara Region when studying such a scientific problem as family memory. The author, based on archival materials and auto-documentary texts, analyzes the conditions under which interest in family history is formed and determines the motives for preserving the history of ancestors. The sources for the research were the funds of two families – the nobles Butorovs and the priest Preobrazhensky, who lived in the Samara province at the turn of the 19th and 20th centuries, who, in the era of socio-political cataclysms, managed not only to preserve their family history, but also to increase it and pass it on to subsequent generations. Methods of the scientific direction «memory studies» make it possible to analyze the traumatic experience of the authors of ego-documents, which contributed to the Preobrazhenskys and Butorovs turning to studying the past of their family, writing memoirs and preserving family memory. The author comes to the conclusion that interest in the history of a family does not depend on social origin, but is formed by family traditions – attitude to reading, education and creative pursuits. In addition, through genealogical research, the Preobrazhenskys and Butorovs sought to preserve the continuity of generations in their families and find spiritual support at a turning point in life.

Keywords: family memory; memory studies; foundation of personal origin; memories; late Russian Empire; Preobrazhenskiye; Boutorovs; Central State Archive of the Samara Region.

Генеалогическими изысканиями сегодня увлечены многие, и не только специалисты, но и любители. Развитие интернет-пространства и цифровизация архивных документов значительно упростили поиск информации о своих корнях. Но в то же время заметен и тот факт, что часть общества не интересуется историей предков, предпочитая жить настоящим. И здесь возникают вопросы. Откуда берется интерес к прошлому своей семьи? От каких факторов это зависит? Как сохранить семейную историю и передать ее последующим поколениям? Специалисты, занимающиеся изучением исторической памяти, выделяют ряд причин актуализации интереса к прошлому в современном обществе: психологические, коммуникативно-технологические, научно-методические, социокультурные и политико-идеологические [1, с. 148].

Среди них мы бы выделили психологические и социокультурные факторы, объясняющие интерес человека к прошлому желанием найти в нем некую устойчивость и понятность в сложные переломные моменты жизни. Работая с личными фондами Центрального государственного архива Самарской области (ЦГАСО), мы обратили внимание на истории двух семей, живших в Самарском крае на рубеже XIX–XX вв. Они сумели в эпоху бурных потрясений начала прошлого века не только сберечь свою семейную историю, но и приумножить ее, оставив воспоминания о собственной жизни и передав ее потомкам.

Историография вопроса представлена работами двух видов. Во-первых, это исследования о семейной памяти в рамках научного направления «memory stu-

dies», среди которых мы бы отметили труды Алейды и Яна Асманн, Пьера Нора, статьи Л.П. Репиной, И.М. Савельевой и А.В. Полетаева и др. [2–6]. Во-вторых, статьи, посвященные истории конкретных семей, авторы которых проводят генеалогические исследования своего рода или же известных личностей. Авторы работ подчеркивают значимость биографических изысканий для формирования и развития преемственности поколений и осознания сопричастности к истории своей страны [7–10].

Прежде чем ответить на поставленные в начале статьи вопросы, необходимо осветить историю создания этих фондов и дать краткие сведения о фондообразователях, чьи документы в итоге послужили основой семейных архивов. Фонд «Преображенский Павел Александрович, краевед, г. Самара» [11] был сформирован в 1949 г., когда архивный отдел Управления Министерства внутренних дел Куйбышевской области передал Областному госархиву (прежнее название ЦГАСО) печатные и документальные материалы профессора П.А. Преображенского, умершего 9 марта 1942 г. Как мы предполагаем, документы оказались в милиции по ряду причин. Во-первых, у Павла Александровича не осталось прямых наследников, проживавших в Куйбышеве. Во-вторых, в условиях военного времени родственники из других городов не смогли приехать на похороны. В-третьих, П.А. Преображенский был известным в городе человеком, и власти, понимая ценность оставшихся материалов, предприняли меры для их сохранения.

Павел Александрович Преображенский (1858–1942) родился в Нижегородской губернии в семье священника. После окончания исторического отделения Казанской духовной академии в 1883 г. он был распределен в Самару. За почти 60-летнюю педагогическую практику П.А. Преображенский воспитал тысячи учеников. Его воспитанниками были учащиеся Самарской духовной семинарии, частной женской гимназии Н.А. Хардиной, Самарского коммерческого училища, Самарского университета, Высших этнолого-археологических курсов и других учебных заведений. Благодарные ученики и после выпуска не забывали своего учителя, о чем свидетельствуют многочисленные открытки, письма, благодарственные адреса, отложившиеся в фонде. Другой стороной жизни П.А. Преображенского была его научная и общественная деятельность на ниве самарского просвещения. Он был автором более десятка краеведческих работ, не потерявших свое значение и сегодня. Кроме того Павел Александрович был членом и организатором различных культурно-просветительских организаций, существовавших в Самаре в начале XX в.: семейно-педагогического кружка, Общества народных университетов, Археологического общества, Губернской ученой архивной комиссии, Исторической комиссии преподавателей г. Самары и других. Материалы деятельности этих организаций – уставы, протоколы, отчеты – сохранились в архивном фонде и позволяют изучать общественно-педагогическое движение в российской провинции начала XX в. и роль интеллигенции в культурно-политической жизни региона.

Павел Александрович, будучи историком, собирал и хранил массу документов, находящихся в архивном фонде ЦГАСО и повествующих об истории

рода Преображенских. Страсть к генеалогии передавалась ему по наследству от отца – протоиерея Александра Михайловича Преображенского (1830–1902). По семейным обстоятельствам А.М. Преображенский не сумел получить высшего образования. За его плечами была только Нижегородская духовная семинария, но он всю жизнь занимался самообразованием – изучал древние и новые языки: немецкий, французский, английский и итальянский. Он прекрасно разбирался в церковной догматике и общественно-политических вопросах, опубликовал ряд работ на эту тему [12, с. 14]. Всем своим девяти детям, несмотря на материальные трудности, Александр Михайлович старался дать хорошее образование, шестеро из них окончили высшие учебные заведения. По воспоминаниям внучки Веры Ивановны Преображенской (1919–2017), в семье был культ книг, особенно любимы были произведения Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского, А.Н. Островского и Н.В. Гоголя [13]. Именно Александр Михайлович первым из Преображенских проявил интерес к истории рода и пробудил интерес к этому занятию как у сыновей, так и у дальних родственников. В семье его называли «отцом истории Рода» [12, с. 15]. Позднее, уже после смерти отца, сыновья вернулись к вопросу сохранения семейной памяти. В письме от 9 октября 1924 г. Иван Александрович пишет старшему брату Павлу: «А занятию было бы завести такую родословную книгу, в которой записано было бы прошлое, по возможности иллюстрированное фотографиями, для внесения в которую члены генса (*рода*. – Е.С.) присылали бы периодически сведения о своей жизни. Лет через 300 такая книга имела [бы] огромную ценность – не по объему даже только. Иногда очень хочется разобраться в своей жизни и написать краткое ее описание, но суета современности отрывает не только от занятий подобного рода, но даже и от мыслей о них» [14, л. 44 об.]. К счастью, эти планы были реализованы. Так, в 1924 г. внучатый племянник Александра Михайловича – Александр Федорович Преображенский (1896 – ? после 1947) напечатал на машинке и распространил между членами семьи брошюру «Родословия Преображенских, Иваницких и Богословских». Целью своей работы он указал – объединение в «наше трудное время» многочисленных членов рода, разбросанных волей судьбы по всей России, но связанных общим прошлым и общими традициями [12, с. 4–5]. На сегодняшний день в домашнем архиве потомков Ивана Александровича Преображенского (1878–1956) хранятся воспоминания Павла, Александра, Ивана и Веры Преображенских, еще не введенные в научный оборот, и генеалогическое древо, составленное Александром Михайловичем еще в XIX в. [13].

История создания «Личного фонда Ю.В. Буторовой. 1884–1916» [15] доподлинно не установлена до сих пор. Непонятно, каким образом дневник и документы, хранившиеся в помещицком доме Софии Николаевны Буторовой на хуторе Вязовом Сызранского уезда Симбирской губернии, ставшие впоследствии основой фонда, не погибли осенью 1917 г. при разгроме усадьбы, а оказались в сызранском архиве – филиале ЦГАСО [16, с. 112–113]. По мнению исследователя М.В. Черкасовой, материалы Буторовых поступили в архив не позднее 1929 г., когда произошла

реорганизация Сызранского окружного архивного бюро, в массиве документов фабрик, заводов, мастерских, мукомольных паровых мельниц и других учреждений. Отдельный фонд сестры милосердия, участницы Первой мировой войны Юлии Владимировны Буторовой был сформирован только в 1978 г. [17, с. 70–71]. В 2010-х гг., благодаря совместным усилиям краеведов и архивистов, фонд получил второе рождение. Были разысканы родственники Ю.В. Буторовой, проживавшие в Париже, – дочь Мария Алексеевна Кириллова (1924–2010) и племянница Ксения Николаевна Паскалис (род. в 1929 г.). В результате материалы фонда пополнились воспоминаниями Софии Николаевны Буторовой (1862–1940) и Николая Владимировича Буторова (1884–1970).

Юлия Владимировна Буторова (1885–1946) происходила из потомственного дворянского рода Буторовых, а по материнской линии приходилась правнучкой герою Отечественной войны 1812 г. Денису Васильевичу Давыдову (1784–1839). Первоначально именно это обстоятельство привлекло внимание исследователей к фонду Ю.В. Буторовой. Но, познакомившись с дневником Юлии Владимировны, который она вела в 1914–1916 гг., находясь на Юго-Западном фронте в качестве сестры милосердия, невозможно не заинтересоваться историей всего рода Буторовых. Опубликованные воспоминания ее матери С.Н. Буторовой и брата Н.В. Буторова дополняют страницы военного дневника Юлии Владимировны и содержат сведения о жизни российского дворянства в период поздней Российской империи и Гражданской войны 1917–1922 гг. [18; 19].

Дворяне Бутовы проживали в своем имении на хуторе Вязовом в Сызранском уезде Симбирской губернии. Окружение семьи составляли представители местной аристократии – Давыдовы, Бестужевы, Амбразанцевы-Нечаевы, Поливановы и др. В семье любили чтение, театральные представления, большое значение придавали образованию. София Николаевна и ее старшие дети обучались в престижных петербургских учебных заведениях того времени: София Николаевна окончила петербургский пансион мадемуазель А.О. Труба (1881), сын Николай – Александровский лицей (1906), дочь Юлия – Екатерининский институт (1903). Будучи убежденными монархистами, Бутовы не приняли прихода к власти большевиков, участвовали в Белом движении, а после его разгрома всей семьей выехали за границу.

Буторовых, как и Преображенских, волновал вопрос сохранения семейной памяти. Об этом свидетельствуют сохранившиеся автодокументальные тексты. В воспоминаниях С.Н. Буторовой содержатся родословные таблицы Буторовых, Давыдовых, Бестужевых, а также двоюродных и троюродных поколений рода. Немаловажную роль в генеалогических изысканиях Буторовых, как нам кажется, сыграл тот факт, что, оказавшись в эмиграции, они старались, насколько это было возможно, сохранить русскую идентичность и рассказать своим наследникам о России, которую те не знали. И, действительно, после 1990-х гг. потомки Буторовых приезжали в Россию, участвовали в культурных мероприятиях, посвященных роду Дениса Давыдова, общались с местными краеведами и способствовали публикации воспоминаний, написанных в эмиграции старшими членами

семьи. Кроме мемуаров С.Н. Буторовой и Н.В. Буторова, были изданы воспоминания Алексея Алексеевича Татищева (1885–1947) – мужа Ю.В. Буторовой и мужа ее племянницы Софьи Павловны Шабельской – Константина Михайловича Веригина (1899–1982) [20; 21]. Таким образом, семейные воспоминания «оказались средством установления межпоколенческой коммуникации семьи Буторовых» [22, с. 61].

В заключение нам бы хотелось ответить на вопросы, поставленные в начале статьи: как рождается интерес к истории своего рода и формируется семейная память? Рассмотренные нами истории двух семей позволяют прийти к следующим выводам. Во-первых, интерес к семейной истории не зависит от социального происхождения, а обуславливается определенными условиями воспитания и образования. Интересен тот факт, что старшее поколение семей было близко к взглядам славянофилов. Мама С.Н. Буторовой – Софья Петровна Бестужева (1831–1877) состояла в родстве с Языковыми и Хомяковыми и считала себя «истинной славянофилкой». По воспоминаниям детей, она всей душой любила Россию и все русское и внушала это детям [18, с. 2–3]. Отец П.А. Преображенского – Александр Михайлович переписывался с И.С. Аксаковым и считал работы А.С. Хомякова «совершенно в своем духе» [23, л. 312–315 об.]. В обеих семьях, как мы видим, в основе взаимоотношений лежали любовь и уважение друг к другу и к Отечеству. Большое значение уделялось воспитанию и образованию, чтению и творческим занятиям. Среди документов фондов сохранились акварели братьев Алексея и Николая Преображенских, есть упоминания о том, что художественным талантом обладали Юлия Владимировна Буторова и ее дед – Александр Яковлевич Буторов (1830–1875). Эго-документы, составляющие основу обоих фондов, позволяют судить также о литературном таланте и высокой степени рефлексии их авторов. Таким образом, любовь к своим корням – это, в первую очередь, результат семейного воспитания, это традиция, передающаяся из поколения в поколение.

Второй вывод касается определения причин, по которым члены семей Преображенских и Буторовых стали изучать историю рода на рубеже XIX–XX вв. Это была возможность через обращение к прошлому своей семьи пережить сложные времена, найти новые жизненные ориентиры в обществе с меняющимися ценностями. Примечателен в этом смысле отрывок из письма Александра Михайловича Преображенского от 20 апреля 1883 г. сыну Павлу, где он с сожалением и разочарованием рассуждает о несбывшихся надеждах на отмену крепостного права: «Вчера я получил твое последнее письмо о «новом человеке», что очень кстати, так как вчера была 22 годовщина его рождения... Этот день на всю жизнь останется величайшим праздником для меня, каким и был в 1861 году... Этот день-праздник – есть прекрасное средство обновлять в мыслях и чувствах народа понятие о свободе, во всей чистоте и благородстве, и тем создать в сознании народа чувство гражданского долга и благородного, нравственного уважения к себе. Увы, этот «новый человек», правда твоя, никакого касательства к нему не имеет» [23, л. 230–233 об.]. Его также волновали студенческие волнения, охватившие высшую школу России в нача-

ле XX в. «Так ныне и в университете: каждый день все одно и то же – и раздражающее, и возбуждающее чувства сильные, и неправильных направлений мысли и ложных стремлений. Такое состояние может породить душевное одиночество, и молодых хороших людей обратить в людей желчи и крови. И они делаются врагами отечества, родины, родных, веры и церкви. Ах, если бы эти тысячи молодых сил, снабженных знанием и благородным стремлением, правильно совершили круг своего образования и пошли бы работать в жизни на пользу отечества и всех ближних» [24, л. 657–658 об.]. Именно эти терзания, на наш взгляд, способствовали обращению Александра Михайловича к генеалогическим исследованиям, в которых он искал душевного спокойствия и равновесия. Его сыновья обратились к истории рода в сложный период своей жизни, когда в годы Гражданской войны Преображенские оказались разбросанными по всей стране. Павел Александрович вместе с сестрами и матерью проживал в Самаре. Семья Ивана Александровича волею судеб оказалась во Владивостоке. Старший брат Алексей Александрович в Калуге, младшая сестра Екатерина Александровна – в Екатеринбурге. Особенно драматично события складывались у Ивана Александровича, который на 4 года потерял связь с родственниками из Центральной России. Он писал им письма с пометкой «не знаю, кто получит» [14, л. 3–5]. В 1922 г. переписка была установлена, и в одном из писем Иван Александрович рассуждает: «Умирает старое, растет новое. Какое? Как то не можешь узнать – нужно посмотреть, каково будет это новое... И в то же время старого – своего родного, так жалко, так ужасно» [14, л. 7–9].

Похожую историю мы наблюдаем и у Буторовых, оказавшихся в эпицентре российских событий начала XX в.: Первая мировая война, Гражданская война, жизнь в эмиграции и невозможность возвращения на Родину. В воспоминаниях Софии Николаевны Буторовой описан момент ее отъезда из родового гнезда в Петроград для того, чтобы навестить семью младшей дочери: «Помню, как сейчас мою сестру, стоящую на подъезде моего флигеля на хуторе, и со слезами просящую меня вернуться скорее. А я не чувствовала в тот момент, что уезжаю из моего милого Вязового навсегда. Я уезжала почему-то уверенная, что через месяц обязательно вернусь назад» [18, с. 57]. Описываемые события происходили 10 октября 1917 г., за 2 недели до большевистского переворота. Возвращения не состоялось, да и возвращаться было некуда. В скором времени имение было разграблено, а имущество растащено местными крестьянами. Вернувшиеся с фронта Юлия Владимировна и Николай Владимирович пытались обустроиться в революционном Петрограде, но из-за преследования властями бывших дворян были вынуждены эмигрировать. Николай Владимирович после разгрома Белого движения выехал в Лондон к родственникам жены, Юлии Владимировны вместе с матерью – в Швецию, а затем в Берлин, Шабельские – в Австрию. В середине 1920-х гг. семья воссоединилась во Франции, где и поныне проживают потомки рода Буторовых.

Пережитые трагические события начала XX в., как нам представляется, стали причиной написания отдельными представителями семей Преображенских и

Буторовых воспоминаний и дневников. Обращение к своим историческим корням и рефлексия полученного травматического опыта давали надежду на обретение душевного спокойствия в сложные переломные моменты жизни.

Список литературы:

1. Шуб М.Л. Актуальное прошлое: место «memory studies» в системе современных гуманитарных исследований // Аспирантский вестник Поволжья. 2015. № 7–8. С. 148–151.
2. Ассман А. Длинная тень прошлого: мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.
3. Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность высоких культурах древности / пер. с нем. М.М. Сокольской. М.: Языки славянской культуры, 2004. 368 с.
4. Нора П. Всемирное торжество памяти // Неприкосновенный запас. 2005. № 2–3 (40–41). С. 202–208.
5. Репина Л.П. Концепции социальной и культурной памяти в современной историографии // Феномен прошлого / отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 122–170.
6. Савельева И.М., Полетаев А.В. Историческая память: к вопросу о границах понятия // Феномен прошлого / отв. ред. И.М. Савельева, А.В. Полетаев. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2005. С. 170–221.
7. Аленичев В.В., Аленичева В.В., Аленичев В.Н. Владельцы Пушкинской вотчины в историко-генеалогическом исследовании // Вопросы гуманитарных наук. 2011. № 5 (55). С. 19–25.
8. Шихов С.Н. Генеалогическое исследование русских крестьян Елабужского и Сарапульского уездов (XVIII – начало XX вв.) // Историко-культурное наследие славянских народов Камско-Вятского региона. 2015. № 1 (1). С. 35–46.
9. Кухарчук А.Г. Семейная история как зеркало истории страны // Тульский краеведческий альманах. 2021. № 18. С. 276–280.
10. Астафьев Д.А., Годовова Е.В. Жизнь и судьба братьев Астафьевых в XX веке: историко-генеалогическое исследование // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2022. № 2 (42). С. 85–111. DOI: 10.32516/2303-9922.2022.42.8.
11. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. 673. Оп. 1.
12. Родословия Преображенских, Иваницких и Богословских / сост. А.Ф. Преображенский. Чебоксары, 1924. 35 с.
13. Домашний архив семьи И.А. Преображенского.
14. ЦГАСО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 21.
15. Сызранский филиал Центрального государственного архива Самарской области (СФ ЦГАСО). Ф. 63.
16. Сумбунова Е.И. Фонд Ю.В. Буторовой в сызранском архиве и его источниковый потенциал // Личные фонды Поволжских архивов как научно-информационный ресурс: мат-лы всерос. науч. конф. историков и архивистов (Самара, 30–31 марта 2021 г.). Самара: Слово, 2021. С. 109–118. DOI: 10.18287/978-5-6046110-3-6-2021-109-118.
17. Черкасова М.В. Формирование и состав архивного фонда Ю.В. Буторовой в Сызранском филиале Центрального государственного архива Самарской области // Манускрипт. 2019. Т. 12, вып. 4. С. 69–73. DOI: 10.30853/manuscript.2019.4.13.

18. Буторова С.Н. Мои воспоминания. 1862–1917. Париж, 1999. 98 с.
19. Буторов Н.В. Прожитое. 1905–1920. М.: Викмо-М, 2009. 148 с.
20. Татищев А.А. Земля и люди: В гуще переселенческого движения (1906–1921). М.: Викмо-М, 2009. 362 с.
21. Веригин К.М. Благоуханность. Воспоминания парфюмера. М.: КЛЕОграф, 1996. 224 с.
22. Жердева Ю.А., Сумбунова Е.И. Реконструкция «семейного архива» дворянского рода Буторовых: постановка проблемы // Российская наука: актуальные исследования и разработки: сб. науч. ст. V всерос. науч.-практ. конф. (13 апреля 2018 г.). Ч. 1. Самара: Изд-во Самар. гос. экон. ун-та, 2018. С. 59–62.
23. ЦГАСО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 21а.
24. ЦГАСО. Ф. 673. Оп. 1. Д. 20а.

Информация об авторе(-ах):	Information about the author(-s):
Сумбунова Елена Ивановна , кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории; Самарский государственный экономический университет (г. Самара, Российская Федерация). E-mail: elena-sumburova@yandex.ru.	Sumburova Elena Ivanovna , candidate of historical sciences, associate professor of Philosophy and History Department; Samara State University of Economics (Samara, Russian Federation). E-mail: elena-sumburova@yandex.ru.

Для цитирования:

Сумбунова Е.И. Личные фонды ЦГАСО как источник для изучения семейной памяти // Самарский научный вестник. 2023. Т. 12, № 3. С. 217–221. DOI: 10.55355/snv2023123213.